

Елена ГЕНЕРОЗОВА

СТАРТ-СЛОВО

Геннадий Каневский. Нечетная сторона. – Тель-Авив: Изд-во книжного магазина «Бабель», 2025. – 152 с.

Новую, десятую по счету книгу стихов Геннадия Каневского «Нечетная сторона» можно было бы назвать «традиционно новаторской» (sic!) – ибо автор один из немногих, которому каким-то образом всегда удается балансировать на грани традиционного и новаторского подходов. Но все же эта книга получилась особенной, отличной от других.

Прежде всего – в некоей временной нелинейности, неритмичности, каковая присуща скорее большому музыкальному произведению, вроде симфонии или оперы. Но ведь и в симфониях с операми мы привычно склонны обнаруживать некий темпоральный стандарт – зачин, развитие и, наконец, угасание или, напротив, конечный взрыв, торжество добра или темных сил, уж как пойдет. А в книге Каневского (если её воспринимать как музыку – лично я именно так и делаю) – все вывернуто наизнанку. В первой части книги, названной «Ненастоящий», куда вошли стихи, написанные в 2020–2021 годах – налицо как бы поступательное «съезжание» с условной верхней точки пространства в нижнюю – и важно, что скорость этого движения к середине книги увеличивается, а окружающий свет в ней постепенно гаснет:

(...)

где день прорастёт
сквозь толщу проскрипций и сало
ненужных щедрот,
там флаг ослепительный реет,
быть пусто, – отвечает, – месту сему.
и сходит во тьму,
и спит на ходу, и кряхтит, и любить не умеет.

и – да – я давно его жду.

Это поступательное перемещение в темноту в какой-то момент останавливается, заканчивается – взрывом ли, разломом, глубоким обмороком, смертью, переходом на следующий уровень игры-бродилки (Каневский, истинный постмодернист, верен себе и глядит на многие вещи и смыслы сквозь призму – а куда деваться – иронии) – уже и неважно. А важно вот что: за этой гранью, где пропадает и растворяется в белизне и пустоте и прежний мир, и «весь невидимый нам свет», где, казалось бы, уже ничего не бывает – с трудом, но все же начинается постепенное движение вверх, гораздо более трудное, и – другое по своей природе. И об этой пересборке мира – вторая часть книги, названная «Стоп-слово», в которую вошли стихи 22-го и 23-го годов.

Первая часть – как бы предчувствие конца (Джулиан Барнс нас, думаю, поддержал бы), вторая часть – конец всякого предчувствия, раскрытие всех карт, и игральных, и географических – ибо поэтика Каневского есть не что иное, как «хроническая топография» – неизменное, доведенное до автоматизма осмысление места и времени как бы изнутри собственных представлений о них, своя, личная панорама, какую только позволяют разглядеть и осмыслить автору его сенсорные системы.

Две части книги, принципиально разные в отношении пространственного и временного восприятий, во многом схожи, если говорить о стилевом, так сказать, оформлении. Каневский следует своей фирменной устоявшейся традиции; мерцающее волшебство, ирреальность его картин и легко узнаваемы, и одновременно неоднозначно

бортом минус двадцать». Определение подобного метода как принципа «ослепительных сближений» было дано Бродским, писавшим об Одене. И в «Нечетной стороне» – да и в предыдущих книгах автора тоже – подобные сближения, состыковки, параллели и аллюзии, дробность картин работают на постоянное пристальное «вглядывание в слова». Стихотворения Каневского в этом смысле похожи на нидерландскую живопись, где, в отличие от итальянских ренессансных картин, нацеленных на обязательное выделение главного и «затенение» второстепенного, важно всё, и любая мелкая деталь, любая подробность выписаны с той же тщательностью и вниманием что и большие образы. Одно из главных стихотворений книги «Так и была окончена школа крупного плана» – оно как раз об этом. «Школа крупного плана, школа монтажных склеек» через «большие кисти рук», «взгляд молодой соседки», «открывающиеся посёлки с их пакгаузами, / гаражами», через перечисление, очень подробное живописание мелких и средних деталей большого путешествия разворачивается в результате в огромное масштабное полотно, позволяющее воспринять «весь этот кинематограф» как личную вселенную, как метафору проносающейся мимо жизни, которая, да, имеет конец. Печальное очарование вещей и смыслов, их деталей и свойств, прощание с ними, с их ускользающими несуразностью, очарованием, уродством, красотой составляет основное содержание первой части книги.

Вторая часть книги под названием «Стоп-слово» – как бы осмысление этих быстрых и неожиданных перемен, глобальных в своей основе, но воспринимаемых очень лично, очень остро:

этот ветер
кружит на месте
пёс руин
дервиш окраин

этот звук
становится
невыносимым
но говорят
и к нему привыкаешь
(...)

Все, что казалось важным когда-то, отступает на второй план, уступая место вещам главным – но не тем главным, каковыми они казались раньше, а совершенно новым и незнакомым:

(...)
не спрятаться, дрожа, под одеяло.
лишь прорасти сквозь бесконечный ад.
(...)

И тема этого прорастания через прежнюю жизнь во второй части книги постепенно набирает для автора значимость. «Умирая и / умирая / да так можно / умирать / бесконечно» – он как бы открывает второе, третье, следующее дыхание, уже не рассуждая о том, что раньше он сам посчитал бы эту череду смертей и возрождений возможной лишь в теории. Да, все случилось взаправду, и в это сложно поверить, осознать, и еще сложнее – сказать об этом. Но тезис о невозможности писать стихи после Освенцима давно устарел, как бы двусмысленно это в очередной раз ни звучало. Потому что то, что надо обязательно делать после Освенцима – это как раз писать стихи. И чем дальше, тем это очевиднее.

И, наконец, совсем близко к концу книги, когда о, дивный новый мир (непривычный и странный, лишь смутно напоминающий прежний) начинает не только расти из пустоты, но детерминировать, рассыпаться на новые генеральные и второстепенные линии, обрастать подробностями, начинается самый важный процесс - отделение мира от его замысла, начало его самостоятельного бытийствования:

(...)

и когда на сцену выходит
изысканный сладострастник,
алым светом он освещён,
как в прошлой сцене – убийца.

то покрываясь пятнами,
словно шкура оленья,
то наполняясь теменью,
то мерцая подводно,
замысел отрывается от замыслившего,
и созданье
начинает жить своей жизнью.

(...)

Любое проявление жизни есть величина, которую должен когда-либо живописать кто-то из художников, где бы таковой ни оказался, кем бы ни был – так я прочитываю новые стихи Каневского. Помимо того, что творчество — это способ существования самого творца, это еще и прямая обязанность последнего. С результата работы творца (или даже, может быть, Творца) начинается новая реальность, иначе и быть не может. В том числе и потому что «В начале было Слово», как повествует нам Евангелие от Иоанна. В оригинале, на греческом слово Λόγος (Логос) имеет более широкие варианты перевода: ум, основа, пропорция, доказательство, разумение, утверждение. То есть – Бог сказал нечто, что послужило началом создания мира. И это Слово, Старт-слово, в итоге дает начало всему, в том числе и новой надежде на то, что мир, как бы ни казался конечным, никогда в итоге не перестает. И автор как высшая творящая субстанция, божество-игрок, воспетый Набоковым, двигаясь от точки, где все заканчивается (и, одновременно, начинается снова) от стоп-слов к старт-словам, способен на постулирование такой надежды. Именно в этом смысле новая книга атеиста Каневского мне, христианину, говорит о Боге гораздо убедительней большинства проповедей.